

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

93

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

А. АСКАРОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЗАМАН-БАБА

В открытом Я. Г. Гулямовым 12 лет тому назад могильнике Заман-Баба обнаружен весьма интересный материал для характеристики скотоводческо-земледельческих племен эпохи бронзы в низовьях Зеравшана. Этот могильник вошел в науку как характерный, но пока единственный памятник новой археологической культуры, известной под названием заман-бабинской¹.

Однако полного представления об образе жизни и быте носителей этой культуры нельзя было составить без знания их поселений. Благодаря разведочным работам осенью 1961 г. недалеко от могильника было открыто первое поселение этой культуры. Исследование его даже на начальном этапе раскопок, когда вскрыто только одно жилище, позволило получить новые интересные данные.

Поселение находится в 700 м к востоку от оз. Заман-Баба (в 15 км к северо-западу от районного центра Каракуль), в долине высохшего русла Гуджейли, древнего протока р. Зеравшан, на том месте, где оно делает крутой поворот к юго-западу (рис. 32). Местоположение поселения весьма удобно. С северной стороны высокие бугры защищают его от сильных пустынных ветров, а с юго-восточной оно огибается руслом. Между буграми и руслом, на западе, в сторону озера проходит как бы широкий «коридор». Площадь, занимаемая поселением, видимо, довольно обширна, вытянута по «коридору» на запад, но большая часть ее засыпана дюнными песками, местами толщиной до 4 м. Площадь, где производились раскопки, невелика (1300 кв. м), и слой надувного песка здесь незначителен (0,3—0,4 м).

Разбив прибрежную часть поселения на квадраты (2×2 м), мы заложили здесь траншею, ориентированную с востока на запад, размерами 12×2 м (рис. 33 — А — А₁). В западной ее части обнаружилось пятно, как потом оказалось, заполнения большой землянки. Вся намеченная для раскопок площадь была освобождена от песка; обнажился такыровидный суглинок и на его поверхности прослеживались остатки еще двух древних жилищ (рис. 32).

Нами исследовано только одно жилище — обширное (площадью около 170 кв. м) помещение овальной формы, вырытое в такыровидном суглинке. Жилище ориентировано в направлении с северо-востока на юго-запад; длина его — 23,5 м, ширина — 9,5 м, глубина — 0,8—0,9 м, а местами — более 1 м. Стенки с северной и южной сторон кое-где были повреждены, — вероятно, размыты весенними водами. Опльвы заполнили участки

¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН Узб.ССР, вып. VIII, 1956, стр. 150—156.

котлована около стен. При расчистке они легко отслаивались от нижней части стенки, что дало возможность выявить более четкий контур землянки.

По краям котлована на участках, не пострадавших от разрушения, с наружной стороны обнаружены два неправильных ряда наклонно вырытых ямок, вероятно от столбов, служивших каркасом перекрытия. Эти ямки почти все одного размера — глубиной 5—8 см, диаметром 6—7 см.

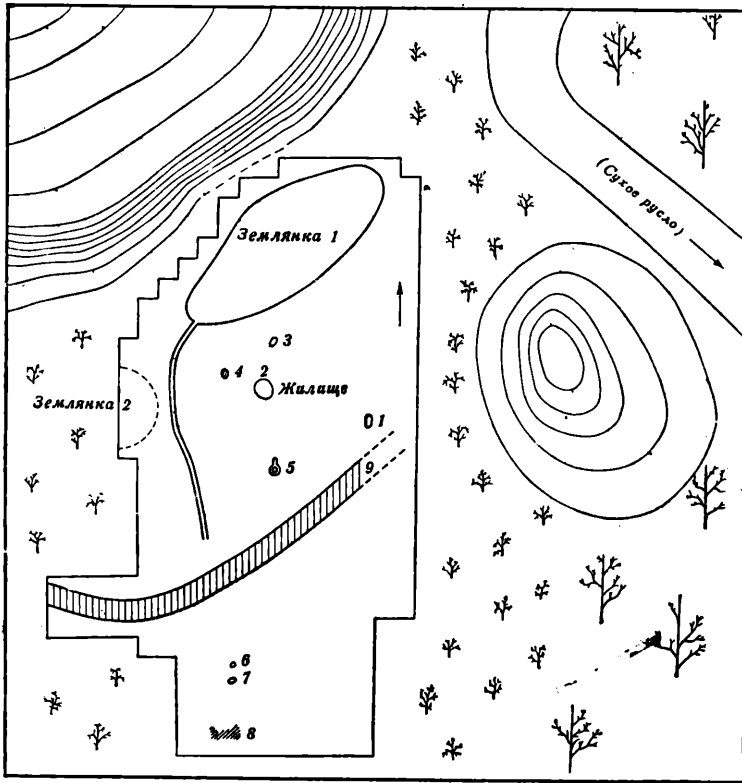

Рис. 32. Схематический план поселения Заман-Баба.

1—3, 6—8 — ямки; 4 — очаг; 5 — керамическая печь; 9 — остатки земляной стены.

Внутри землянки было поставлено не менее четырех рядов вертикальных столбов, видимо, служивших для поддержки крыши, о чем свидетельствуют обнаруженные при расчистке ямки в полу. Они также одного размера — круглые, диаметром 14—16 см, глубиной 5—12 см. Все ямки от столбов — и наружные, и внутренние — заполнены песком. В некоторых из них попадались отдельные черепки. Остатки истлевшего дерева не сохранились. Судя по расположению наружного ряда столбов, можно предполагать, что деревянный остов кровли поднимался наклонно вверх и был переплетен тростником. Возможно, что часть наземного перекрытия промазывали глиной, смешанной с соломой. Несколько кусков такой промазки с отпечатками тростника найдено в разных местах землянки.

Кроме необожженных кусков обмазки с отпечатками тростника попадались куски со следами слабого обжига. Они встречены, главным образом, недалеко от очагов и на самих очагах, которые были расположены недалеко от стен. Очевидно, поэтому стены здесь особенно тщательно обмазывались глиной, чтобы защитить деревянный каркас от жара. В этих местах глина могла оказаться слабо обожженной.

Вдоль юго-западного борта землянки вскрыты четыре круглых ямки

(диаметром 13—15 см, глубиной 20 см). За ними следовали по два наклонно вырытых углубления небольшого размера (диаметром 5—6 см). Видимо, эти двойные столбики служили для поддержки больших столбов. На других сторонах землянки это не наблюдалось.

В жилище с юго-западной стороны ведет узкий углубленный ход длиной 20 м, шириной 0,5 м (см. рис. 32). По этой «тропинке» можно свободно

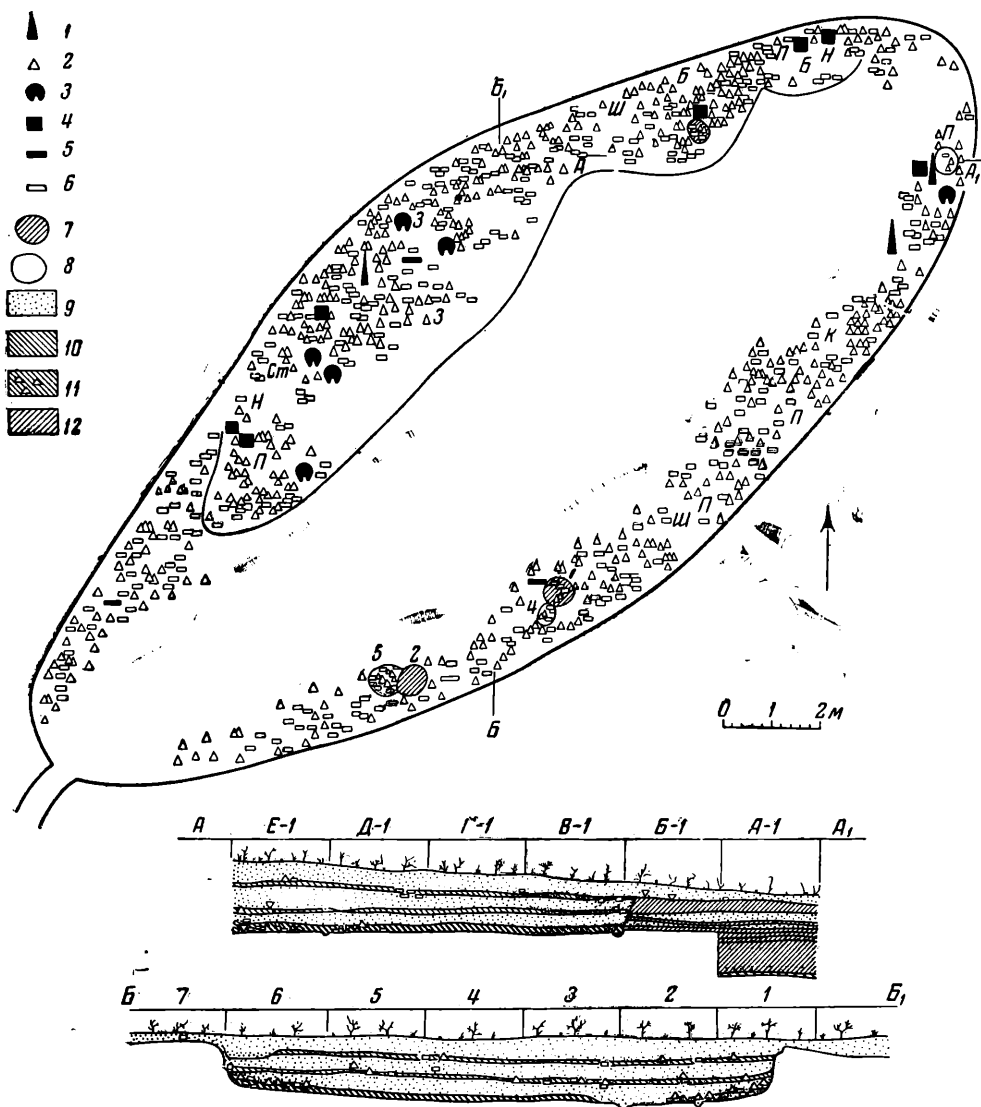

Рис. 33. План землянки на уровне третьего горизонта и ее разрезы.

1 — накопеченная стрел; 2 — фрагменты керамики; 3 — напершия; 4 — отщепы; 5 — кремневые пластинки; 6 — кости; 7 — очаги; 8 — ямы; Ст — обломок статуэтки; Б — бусы; Ш — шило; К — куранты; П — пестики; 3 — фрагменты зерноторок; Н — нуклеусы; на разрезе: 9 — песок; 10 — черно-серый песок с культурными остатками; 11 — темный суглинок с культурными остатками; 12 — такыровидный суглинок.

идти одному человеку. Дно жилища постепенно повышается на юго-запад и выравнивается со дном хода. Быть может, предполагаемая «тропинка» служила для проветривания помещения или лазом для детей; когда старшие входили сверху землянки через свето-дымовое отверстие. Это углубление, бесспорно, было вырыто в то время, когда на поселении кипела жизнь;

на дне хода попадались черепки, кости и другие вещи, которые относятся ко времени существования землянки. Известны памятники эпохи бронзы, на которых обнаружены жилища с такими же выходами, вырытыми в земле², но они были более широкие. В разрезе заполнения котлована жилища наблюдались три жилых горизонта с культурными остатками (см. разрез на рис. 33). Первый и второй верхние горизонты состоят из песчаного черновато-серого культурного слоя, достаточно плотного.

На первом жилом горизонте обнаружены остатки трех овальных кострищ (размером 0,5—0,3 м), расположенных близко друг к другу, недалеко от входа. В одном из них найдены три обломка обожженных костей животных. Под кострищами лежал прокаленный докрасна песок на глубину 7—8 см. На этом же горизонте расчищены три хозяйственные ямы, в плане овальные, глубиной 10, 11 и 30 см, размером от 0,7—0,85 м до 0,9×1,25 м. Одна оказалась пустой, в двух других обнаружены кости животных, черепки, куски песчаника, зола и обломок зернотерки.

На втором горизонте зафиксировано только одно кострище, в плане круглое, диаметром 0,5 м. Глубина прокаленного докрасна песка — 8 см.

На обоих верхних горизонтах ямки от столбов, поддерживавших кровлю, обнаружить не удалось, несмотря на особое внимание при раскопках.

Культурные напластования третьего жилого горизонта землянки во многом отличались от двух верхних. Во-первых, нижний слой состоял из темно-черного суглинка, а не был песчанистым. Во вторых, на двух верхних горизонтах находки встречались равномерно по всей площади, а на третьем — только вдоль стен жилища.

Пол землянки от центра постепенно плавно повышался на юго-запад. Середина его была совершенно чиста. Очаги, хозяйственные ямы и кухонные отбросы располагались по краям жилища, вдоль его стен. У северной стены вскрыта неглубокая ямка (10—12 см), вытянутая с востока на запад. Больше половины ее заполнено массой мусорных отбросов. На дне, у южной и северной стен землянки, встречены обгоревшие участки. Один из них, бесспорно, — остатки разрушенного очага. В нем и вокруг него лежали куски слабо обожженных сырцовых комбев (гуаля), вероятно от стенки очага, который не был врыт в землю, а сооружен на поверхности глины. Здесь отмечены небольшое количество золы и отдельные угольки. Рядом с очагом — овальная яма (36×20 см), глубиной 14 см, заполненная золой, черепками, мелкими обломками костей животных. Недалеко от первого находился второй очаг, — вернее, кострище — в яме глубиной 17 см; на дне ее — слой золы толщиной 1,5 см. Рядом расчищена яма глубиной 12 см, видимо, вырытая раньше, потому что кострище срезает ее восточную часть. Яма заполнена культурными остатками с небольшим количеством золы. Еще одно кострище (?) обнаружено у северной стены землянки. Размеры его — 0,5×0,3 м, глубина — 7 см. У восточной стены вскрыта круглая (диаметром 0,4 м), суживающаяся ко дну, неглубокая (8 см) яма, края которой промазаны глиной. В ней оказалась донная часть круглодонного сосуда. Учитывая все данные, можно предполагать, что нижний горизонт землянки, резко отличающийся от двух верхних, несомненно, служил основным полом жилища.

Землянки подобной формы в памятниках эпохи бронзы в других районах нашей страны неизвестны. В. И. Спришевский долго упоминает об овальных, круглых, четырёхугольных жилищах чустской культуры³. На Днестре у с. Лука-Врублевская раскопано восемь жилищ, как указывает

² М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабагьябской культуры в 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, рис. 1, 3; А. М. Коногорова. Жилища 3—8 поселения Камский Бор II. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, 1961, рис. 3, 5, 8; В. П. Денисов. Кама-Жулановское III поселение. Там же, рис. 4, 6, 8.

³ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 4, стр. 44.

С. Н. Бибиков, состоящих из ряда округлых и овальных ям. Одно из них довольно большое, трёхкамерное⁴, длиной 43 м при ширине 2,5—3,5 м. Но в обоих случаях нет близкого сходства с формой заман-бабинского жилища. Близкое по форме жилище раскопано только на более позднем памятнике — в Кзыл-Кыре (Бухара)⁵.

На южной стороне вскрытой части поселения обнаружено основание утрамбованной земляной ограды (шириной более 2 м), которая местами сохранилась до высоты 25 см. Видимо, ограда, начиная с берега русла, отгораживала поселение с юго-западной стороны.

На площади поселения при снятии надувного песка обнаружено и раскопано шесть разных ям и один очаг.

Яма 1. Овальная, размерами 1,2×0,8 м, глубиной 0,25 м. В ней находились обломки костей животных, черепки, два астрагала барана, три кремневых ножевидных пластинки и кусок меди.

Яма 2. Близкой к овалу формы, размерами 2×1,7 м, глубиной 15 см. В яме оказались обломки костей животных, челюсть верблюда, черепки, донная часть глиняной четырёхугольной площадки, мелкие обломки песчаника, древесные угольки и зола.

Яма 3. Прямоугольная, с закругленными углами, размерами 0,7×0,45 м, глубиной 0,2 м. В ней лежали четыре ошлакованных камня.

За оградой обнаружены еще три ямы неизвестного назначения. В них найдено 249 обломков различных глиняных сосудов. Среди них — три черепка с орнаментом андроновского типа. Здесь же находились обломок наконечника стрелы (рис. 34—4), кости животных (ребра крупного рогатого скота), кремневые пластинки, отщепы, часть пестика, обломки бус, камни и другие предметы. Интересно, что в этих ямах черепки и кости были аккуратно сложены вместе с прочими предметами в кучу. Контуры ям ясно не прослеживались. Глубина ям — не более 13—15 см от поверхности.

Недалеко от входа в землянку вскрыт очаг, круглый (диаметром 0,52 м), обмазанный глиной; углубление его заполнено золой на глубину 0,22 м. Вокруг очага встречены сгоревшие мелкие куски костей животных.

На площади поселения обнаружены также остатки разрушенной керамической печи, грушевидной в плане, диаметром 0,9 м; в центре ее был опорный глиняный столбик диаметром 0,3 м. Печь обмазана саманной глиной, сильно ошлакованной. В глине много растительной примеси, по определению М. М. Якубцинера, — стеблей культурных злаков. Под южной частью стенки топки оказались два отверстия (диаметром 4 см, длиной 25 и 10 см). Вероятно, они служили дымоходами при обжиге сосудов. На дне топки лежал слой золы толщиной 1,5 см. В топке найден плоский кусок ошлакованной глины, со сквозным отверстием. Это, видимо, упавшая сверху часть пода камеры обжига. При расчистке найдено еще пять таких же обломков с отверстиями жаропроводных каналов, выходявших из топки в обжигательную камеру. Центральный столбик и остатки пода позволяют восстановить печь как двухъярусную с купольным перекрытием. Вокруг печи лежало много керамического брака.

Для выяснения стратиграфии и для определения восточной границы памятника была заложена траншея № 2 (26×2 м) с юга на север. Под слоем надувного песка грунт оказался весьма твердым. Поэтому только на площади четырех квадратов мы углубились до 1,7 м от поверхности. Примерно на уровне нижнего горизонта землянки едва прослеживался темносерый культурный (?) слой. В нем попадались мелкие древесные угольки. На глубине 1,6 м под такыровидным суглинком залегал песок, в верхней

⁴ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, стр. 30, рис. 14.

⁵ Здесь я имею в виду овальную в плане землянку из Кзыл-Кыр II, раскопанную Я. Г. Гулямовым в 1958—1960 гг.; но памятник еще не опубликован.

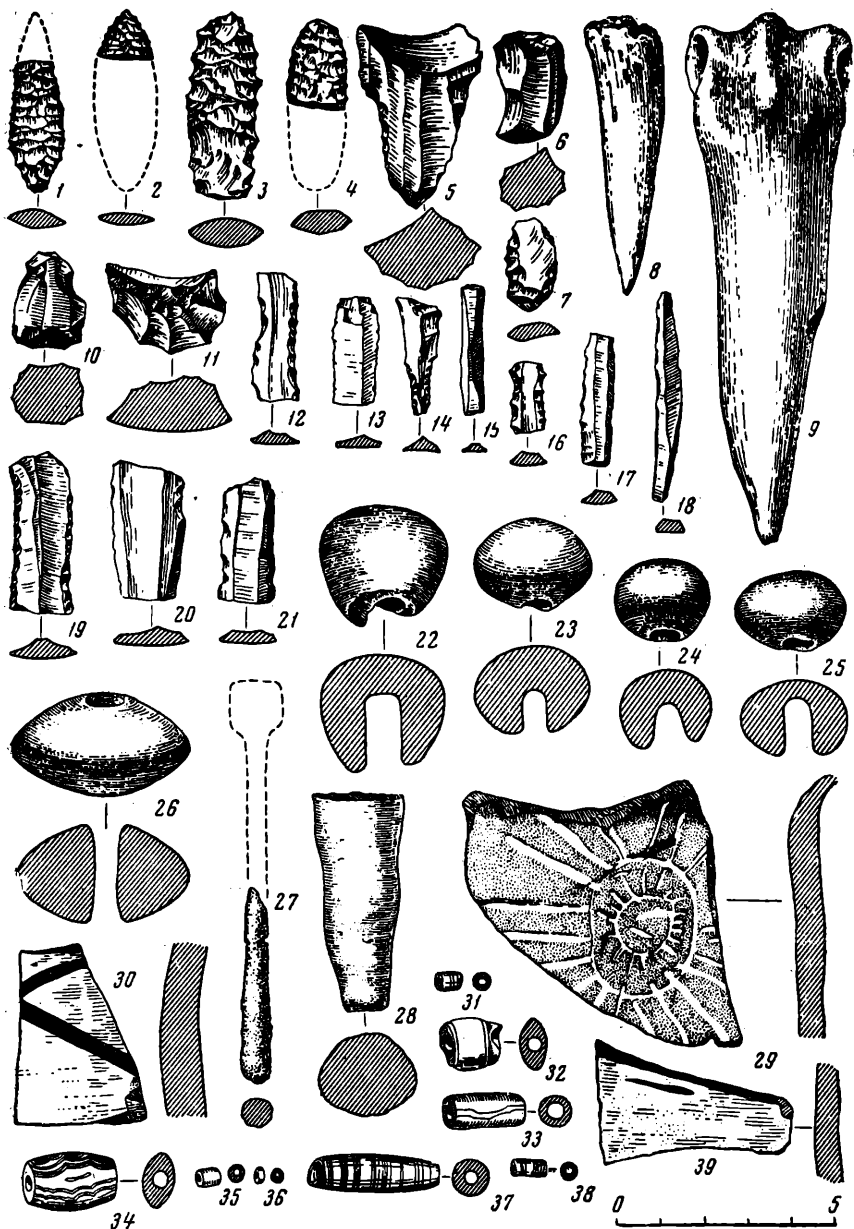

Рис. 34. Находки на поселении Заман-Баба.

1—7, 10—21 — изделия из кремня; 8, 9 — костяные орудия; 22—26, 28—30, 39 — керамика; 27 — медная лопаточка; 31—38 — каменные бусы

части которого четко прослеживался культурной слой с находками. В нем найдены три черепка двух сосудов; один из них украшен ногтевым орнаментом. Черепки сильно пористые. Комплекс находок в землянке и на площади поселения (исключая три черепка из слоя на глубине 1,6 м) относится к одному и тому же времени; но подъемный материал, собранный до раскопок на поверхности песков, принадлежит другому периоду — андроновской культуре. Видимо, это место в более позднее время служило местом обитания и для андроновцев.

При раскопках собрано 2037 черепков, 100 разных сосудов (из них

73 парадных сосуда, 21 кухонный и шесть четырёхугольных плошек). Встречены фрагменты посуды, изготовленной на ручном круге (50 черепков от 12 сосудов). Сосуды в основной массе — лепные, из глины с примесью мелкого песка или без примесей. Обжиг парадных сосудов хороший и равномерный, а кухонных — слабый. Форма разнообразна. Есть плоскодонные и круглодонные; кухонные — только с круглым дном. Среди парадных сосудов встречаются обе формы. Есть чаши и тарелки. Большая часть посуды находит аналогию в инвентаре могильника Заман-Баба⁶. Формы тех и других сосудов полностью совпадают, но на поселении встречено и несколько новых форм. Все сосуды не орнаментированы.

На нижнем горизонте жилища, в завалах обнаружены два фрагмента расписной посуды (рис. 34—30, 39). Красноовато-черная роспись нанесена по желтовато-белому фону. Оба черепка — лепные. По облику и составу теста они не отличаются от остальной посуды поселения и могильника.

На дне землянки обнаружен обломок стенки парадного сосуда, на котором изображено солнце (рис. 34—29). Оно прочерчено дважды, одно в другом, в обоих случаях — с лучами вокруг. Аналогичные изображения известны в керамике древнеземледельческих поселений прикопетдагской равнины в пору Намазга III⁷.

Среди завалов на полу землянки найдено семь глиняных наверший (рис. 34—22—25). Такие навершия, но из песчаника, встречались в некоторых могилах Заман-Бабы и известны в земледельческих памятниках Южной Туркмении⁸.

Аналогичны найденным в могильнике четыре наконечника стрел листовидной формы (рис. 34—2, 3), двусторонней тщательной обработки техникой отжимной ретуши⁹; один из них черешковый (рис. 34—1). Пятнадцать ножевидных пластинок (рис. 34—12, 13, 15, 19—21) также тождественны пластинкам, встреченным в могилах Заман-Баба.

В жилище и на площади поселения собрано более 30 отщепов, прокола (рис. 34—14), четыре нуклеуса (рис. 34—5, 6, 10, 11), два обломка медных лопаточек (рис. 34—27), обломки шести зернотерок и пяти пестиков, глиняное пряслице (рис. 34—26), фрагмент глиняной фигурки (рис. 34—28) и восемь бусин из полудрагоценных и простых камней (рис. 34—31—38). Изделия из кости представлены двумя хорошо обработанными шильями (рис. 34—8, 9).

На полу землянки встречено несколько кусков глиняной обмазки от перекрытия и от разрушенного очага. При исследовании этих кусков обнаружены обуглившиеся зерна злаков и их следы. Находки зернотерок, пестиков, кремневых вкладышей от серпов (рис. 34—7, 16, 17) указывают на то, что в хозяйстве оседлых племен — жителей поселения Заман-Баба, видимо, большую роль играло примитивное земледелие.

В жилище и вокруг него, особенно у северной стенки, найдено много костей домашних животных. Судя по количеству собранных в землянке костей, скотоводство, по-видимому, играло не меньшую роль, чем земледелие.

Подводя итоги, можно коротко сказать, что комплекс находок поселения полностью совпадает по типам с материалами могильника Заман-Баба и дает возможность расширить наши представления об образе жизни и быте носителей этой культуры. По аналогии с могильником Заман-Баба I поселение ориентировочно можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э.

⁶ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, № 2, рис. 1.

⁷ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. XXIII, 3.

⁸ В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Там же, стр. 243; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), табл. XII, 4—6; табл. XIII, 1, 2, 8.

⁹ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1-я. Ташкент, 1955, стр. 29, рис. 4.

А. АБЕТЕКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА
ТЕГИРМЕН-САЙ

При слабой еще изученности культуры эпохи бронзы в Киргизии обнаруженные в 1961 г. могилы андроновской культуры в Чуйской долине чрезвычайно интересны и важны для воссоздания истории древних племен Киргизстана. Они раскопаны Чуйским археологическим отрядом¹ в могильнике Тегирмен-сай, расположенном у входа в ущелье Джиламыш, в 25 км к юго-западу от г. Фрунзе, в 800—1200 м к северу от колхоза имени Д. Шопокова, на небольшом левом притоке р. Джиламыш. Здесь, недалеко от основного могильника, разместившегося вдоль искусственного канала, предназначенного для орошения полей колхоза, на расстоянии 250—300 м к западу, на невысоком адыре нами обнаружено несколько разновременных курганных групп. Среди них выделялись три каменные оградки, внутреннее пространство которых не возвышалось над окружающей поверхностью.

Раскопки велись с последовательным расширением площади и за оградой, чтобы выявить ее части, быть может, скрытые под землей (рис. 35).

Ограда 12 — полуовальной формы, размером $2,5 \times 1$ м. Выложена из 30 речных валунов средней величины (до 0,35—0,4 м). Внутри ограды — могильная яма нечеткой формы, близкой к овалу, ориентированная с запада на восток (размеры ее — $2 \times 0,7$ м, глубина — 2 м). На глубине 1,4 м разбросаны плохо сохранившиеся кости человека. В юго-западном

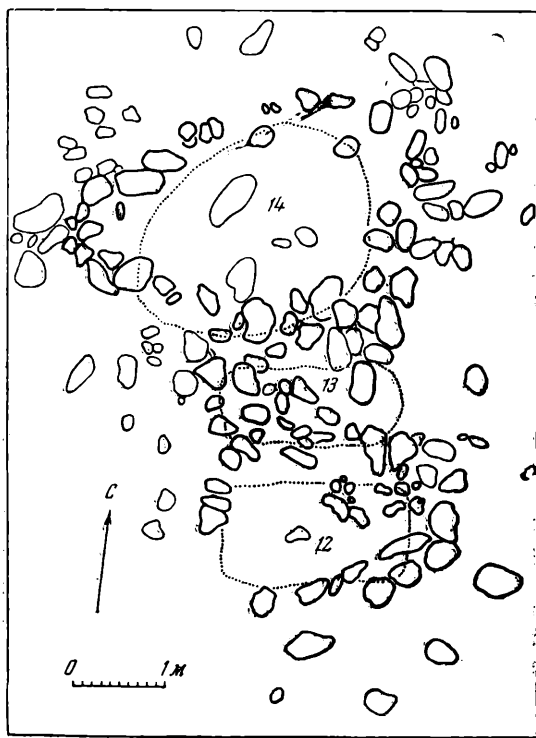

Рис. 35. Могильник Тегирмен-сай. Планы оградок 12, 13 и 14.

¹ Работы проводились под руководством автора настоящей статьи.

углу на глубине 2 м — слой пепла и мелкие обломки жженных костей; среди них оказались три бронзовые бусины, изготовленные из слегка сплюснутой проволоки, свернутой в колечко (рис. 36—2—4). У северной стенки находился в наклонном положении неорнаментированный глиняный горшок, лепной, с плоским дном (рис. 36—6).

Ограда 13 внешне ничем не отличалась от предыдущей. Протяжение ее по линии восток — запад составляло 2,5 м, по линии север — юг — 1 м. На глубине 1,5 м на площади 1,9—0,8 м прослеживались слой черной земли и мелкие кусочки пережженных костей, среди которых попадались

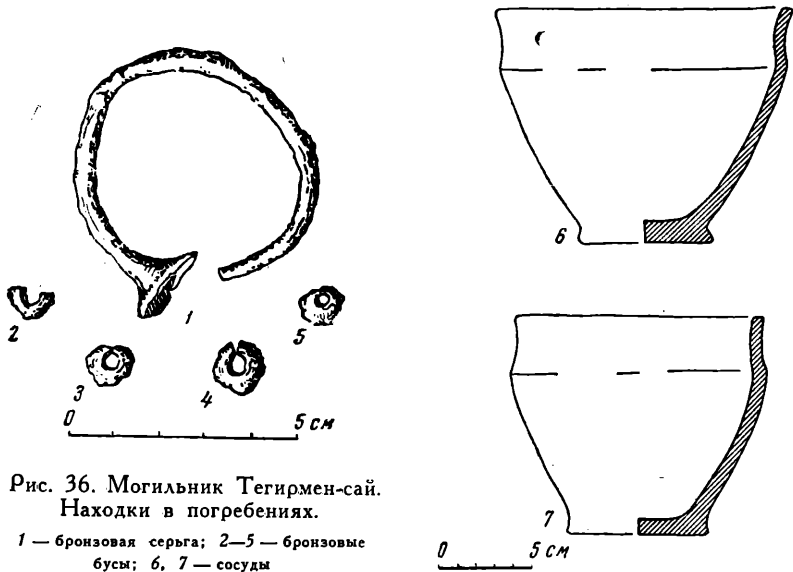

Рис. 36. Могильник Тегирмен-сай.
Находки в погребениях.

1 — бронзовая серьга; 2—5 — бронзовые бусы; 6, 7 — сосуды

отдельные обломки человеческих костей (ребра, берцовой). У северной стенки находился плоскодонный горшок без орнамента (рис. 36—7). В северо-западном углу могильной ямы на глубине 1,6 м обнаружены бусина, подобная бусинам из первой ограды, и бронзовая серьга с раструбом (рис. 36—1, 5).

Ограда 14 — в виде неправильного круга диаметром 3,5 м; глубина — 2,2 м. Андроновское погребение здесь полностью уничтожено поздним средневековым впускным захоронением.

Несмотря на небольшое число находок, погребения настолько выразительны, что вопросы датировки и принадлежности их к определенной культуре не вызывают особых затруднений.

Бронзовые украшения — серьга с раструбом и бусы, согнутые в кольцо, — подобны найденным в могильнике Таш-Тюбе II и Таш-Башат в Таласской долине². Аналогичные несомкнутые бронзовые бусы из согнутого в колечко жгута — наиболее характерное украшение андроновских погребений Южной Сибири³. Такие же бусы, как тегирмен-сайские, мы знаем из многих погребений андроновской культуры эпохи бронзы в Хорезме⁴, Фергане⁵ и в других местах области распространения андроновской культуры.

² П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Известия АН Кирг. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3, 1960.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 78.

⁴ М. А. Итгина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ. вып. 5, 1961, стр. 82 и рис. 28, 2.

⁵ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, рис. 2.

Из известных нам находок как ближайшие аналогии тегирмен-сайским следует отметить серьги из погребения в Мало-Койтасском могильнике на Иртыше⁶ и в Северном Казахстане⁷.

Не менее интересно для датировки тегирмен-сайских погребений сходство глиняных сосудов с керамикой североказахстанских погребений эпохи бронзы. Это плоскодонные горшки баночной формы, без орнамента, выделанные из темно-серой глины хорошего замеса. Оба они — с небольшими уступами на плечиках и резко суживаются к тулову. В этом один из основных признаков керамики алакульской стадии андроновской культуры⁸.

Параллели сосудам из Тегирмен-сая мы находим в керамике из андроновских могил Северного Казахстана⁹, хотя наблюдается и значительное своеобразие. Отсутствие орнамента, а также общее сходство формы дают возможность сопоставить найденные нами горшки с сосудами из Алексеевского могильника¹⁰. Подобная керамика встречена и на территории Киргизии, в могильниках Таш-Тюбе и Таш-Башат¹¹.

В тегирмен-сайской керамике нетрудно заметить отличие от сосудов ранних стадий андроновской культуры. На втором этапе, алакульском, сосуды характеризуются уступом на плечиках¹². Таким образом, учитывая параллели нашим находкам в материалах других районов Средней Азии, Казахстана и Сибири, мы можем датировать вскрытые могилы Тегирмен-сая алакульским этапом андроновской культуры. В связи с этим следует отметить, что серия изученных памятников эпохи бронзы на территории Киргизии и многочисленные случайные находки вещей поздней поры эпохи бронзы¹³, получившие в свое время отражение в статьях А. Н. Бернштама, А. К. Кибирова, Б. М. Зимма, П. Н. Кожемяко, Е. Е. Кузьминой¹⁴, в совокупности дают нам возможность говорить о довольно широком освоении территории Киргизстана племенами эпохи бронзы.

Рассмотренные погребения эпохи бронзы в Тегирмен-сая интересны тем, что они найдены в ранее не известном районе области распространения памятников андроновской культуры и расширяют ее ареал. Наконец, в связи с находкой этих погребений следует еще раз поставить вопрос о необходимости систематического изучения памятников эпохи бронзы на территории Киргизии.

⁶ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. II, Л., 1927, рис. 25, 7.

⁷ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. V, серия археологическая, 1958, табл. V, рис. 14а, 20 и 32.

⁸ К. А. Акшиев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат диссертации: Л., 1953, стр. 6, 7; см. также А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 268.

⁹ А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. II, рис. 2.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII, М., 1948, рис. 51, 6.

¹¹ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., рис. 14, 2; рис. 15, 4.

¹² А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 268.

¹³ Основная масса случайных находок бронзовых орудий в Киргизии относилась ко времени андроновской культуры. М. П. Грязнов в докладе на секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА убедительно показал принадлежность их к поздней бронзе, к карасукско-замараевскому (предскифскому) времени.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 19—22; А. К. Кибиров и П. Н. Кожемяко. Новые ламятники эпохи бронзы. Труды института истории АН Кирг. ССР, вып. 2, 1956; Б. М. Зимма. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941; Е. Е. Кузьмина. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-кульского клада). Известия АН Кирг. ССР, серия обществ. наук, т. III, вып. 3, 1961.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
91	14 стр.	бодрогкереетурской	бодрогкерестурской
83	6—7 св.	купола	перекрытия
83	8 св.	купольное перекрытие	перекрытие
103	3 св.	под	по

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

69

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1957

Л. П. ЗЯБЛИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ИССЫК-КУЛЕ

Объектами исследований на Исык-Куле в 1955 г. были могильник и оседло-земледельческое поселение в урочище Койсу (на северном берегу), оседло-земледельческое поселение в устье р. Большой Джергалчак (в 6 км восточнее ущелья Барскаун) и могильник Кара-Шаар (против одноименной деревни в 25—28 км от г. Рыбачье по южному берегу).

Могильник Кара-Шаар расположен на гребнях северных отрогов хребта Терской-Алатау, сильно изрезанных глубокими оврагами. Он включает громадное количество курганов и занимает обширную территорию, протянувшуюся почти на 3,5 км. Большинство курганов расположено в меридиональных цепочках; на многих из них нет следов ограбления, а их насыпи сравнительно невелики. К западу от отдельных курганов, в непосредственной близости от них (на расстоянии 3—10 м) хорошо видны плоские каменные выкладки овальной формы, до 2 м в длину и до 1,5 м в ширину. Уже внешний осмотр могильника позволил видеть в нем новый, еще не описанный в литературе тип погребений, а меридиональные цепочки и кольцевые каменные выкладки у основания насыпей подсказывали усуньскую принадлежность курганов. Все эти обстоятельства и определили наш интерес к могильнику и решение провести раскопки.

Вскрыто 12 курганов. Их внешний вид типичен для большинства насыпей могильника, а размеры едва ли не являются наименьшими. Диаметр колебался от 3 до 6 м, при высоте от 0,3 до 0,95 м. Почти на всех курганах можно было видеть кольцевую выкладку у основания; иногда она была скрыта насыпью. Сама насыпь состояла из смеси не очень крупного камня, щебня и земли, хотя внешняя поверхность оставляла впечатление почти однородного камня.

Под насыпью открывалась могила. Она была перекрыта опиравшимися на стенки крупным камнем или деревянными бревнышками, травой, ветками, камышом. Бревнышки не составляли сплошного покрытия, а располагались «вразрядку» («заборчиком»). Стенки тщательно укреплены хорошей кладкой булыжного камня или каменными плитами, что придавало могиле вид каменного ящика (рис. 33).

Костяки лежали на земляном дне могилы вытянуто, на спине, ориентированы головой на юго-запад (в 6 случаях), на север (в 4 случаях), на северо-восток и запад (по одному погребению). Иногда под ними заметны следы растительного покрова или подстилки. Как правило, каждый курган включал одно погребение, и только в одном случае было еще впускное, без вещей. Основные погребения также чрезвычайно бедны — из 12 курганов (13 погребений) только в трех были вещи, в том числе 3 сосуда и серьга (рис. 34 — 1—3).

Рис. 33. Кара-Шаар, курган № 1. Могила с каменной обкладкой стенок.

Бедность инвентаря заставляет обратить особое внимание на обряд погребения, начиная с общей планировки могильника до деталей устройства курганов, могил и пр.

Около курганов находились плоские овальные каменные оградки. Мы раскопали 6 оградок, и только в одной найдены обломки сосуда. Оградки, несомненно, имели поминальное назначение. Это были огороженные камнем участки земли близ могил, куда клались или зарывались в землю приношения умершим. Подобный обычай хорошо известен у древних тюрков. Их поминальные оградки имеют, конечно, другое расположение, планировку, внешнее оформление в виде каменных изваяний и балбалов. Никаких следов балбалов около поминальных оградок могильника Кара-Шаар нет, различна и планировка; однако важен сам факт их существования в какой-то период жизни усуней.

Найденные вещи — сосуды и серьга — могут быть отнесены ко времени раннего средневековья, точнее, — к V—VII вв. н. э. Техника изготовления сосудов и некоторые мелкие особенности формы имеют черты древнеусуньские, но в то же время мы видим элементы, характерные для раннего средневековья. Технические особенности изготовления серьги,

а также и форма сближают ее с многочисленными серьгами так называемого аланского типа.

Усуньская принадлежность могильника Кара-Шаар несомненна. Это вытекает уже из расположения курганов и могил.

М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, открывшие усуньскую археологическую культуру¹, установили существование двух типов могильников (так называемые буранинский и чильпекский), датировав их первыми веками до нашей эры. Первый тип они отнесли к погребениям богатых усуней, второй — к погребениям усуньской бедноты или рабов. Но уже А. Н. Бернштам справедливо заметил, что между буранинским и чильпекским типами могил существует не социальная разница, а хронологическая, т. е. первый тип более ранний, а второй — поздний².

Кара-Шаарский могильник является третьим типом усуньских могил, характеризующим следующий за чильпекским хронологический этап. Этот новый этап в истории усуней складывался под влиянием тюркских орд, которые попеременно завоевывали Семиречье, начиная с VI в. н. э. Проникновение тюркского элемента в Семиречье можно предполагать и до VI в. н. э. Обитание на одной территории древнейших насельников края с пришельцами — тюрками привело к тому, что в быте усуней начали укореняться некоторые заимствованные у пришлого населения черты. Претерпел изменение обряд погребения усуней, и у них появились поминальные оградки.

Существование усуньского населения в эпоху тюркского завоевания не является неожиданным. Письменные китайские источники знают в числе обитателей Семиречья, кроме тюрок-пришельцев, также и усуней. Китайские известия об усунях со времен гуннских походов не обрываются сразу, а гложут постепенно в течение первого периода господства тюрок. Прекращение известий об усунях можно объяснить тем, что китайцы больше внимания обращали на реальные политические силы на севере и считались с ними. Завоеватели Семиречья заслоняли политической и военной активностью древнейших обитателей края. Одновременно проходила медленная, но упорная ассимиляция усуней тюрками; она, видимо, закончилась к VII в. н. э., так как к середине VII в. н. э. относится замечательное свидетельство Янь Шы-гу, китайского историка, принимавшего участие (627—650 гг.) в составлении истории дома Суй: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их»³. Кстати сказать, по предварительному сообщению Г. Ф. Дебеца, физический тип людей, погребенных в могилах Кара-Шаара, отличается европеоидными чертами, и, по-видимому, мы можем полностью перенести на погребенных характеристику, которую дал Янь Шы-гу.

Кроме могильника, в этом же районе, но в 1 км восточнее, на селище собрана керамика, очень похожая по технике изготовления на раннесредневековые, — возможно, также усуньские, — сосуды. Культурный слой, видимо, был постепенно смыт потоками воды, текущей с гор.

Интересные поселения сельского типа открыты нами в ряде пунктов побережья Иссык-Куля. На двух из них заложены раскопы. Культурный слой не очень обилен находками, что, впрочем, отмечается на всех селищах. Характер найденного материала, остатки домов и других хозяйственных построек позволяют считать такие поселения оседло-земледельче-

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 39, 40.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 190, примечание 1.

Рис. 34. Вещи из могильников Кара-Шаар и Койсу.

1 — бронзовая серьга (Кара-Шаар, курган № 6); 2, 3 — глиняные сосуды (Кара-Шаар, курган № 8); 4 — фрагмент сосуда (поселение Койсу 1); 5 — железный ножик (могильник Койсу, курган № 3).

скими. Время их существования — X—XI вв. Среди немногих обломков орнаментированных сосудов есть с отпечатками штампа (розетки, сетка в кружке) и линейно-волнистыми узорами (рис. 34—4).

Оба поселения — Койсу I и Большой Джергалчак — имеют следующие особенности. Жилые и хозяйственные помещения построены с использованием природного валунного камня, из которого сооружались нижние части стен, а верх и крыша строились с использованием глины, дерева и, наверное, войлока и шкур.

На конусе выноса р. Койсу (в 56—58 км от г. Рыбачий по северному берегу) расположено больше десятка жилых комплексов. Они занимают обширную территорию, равную примерно 30—33 кв. км. Между отдельными комплексами на Койсу расположены или участки древней пашни,

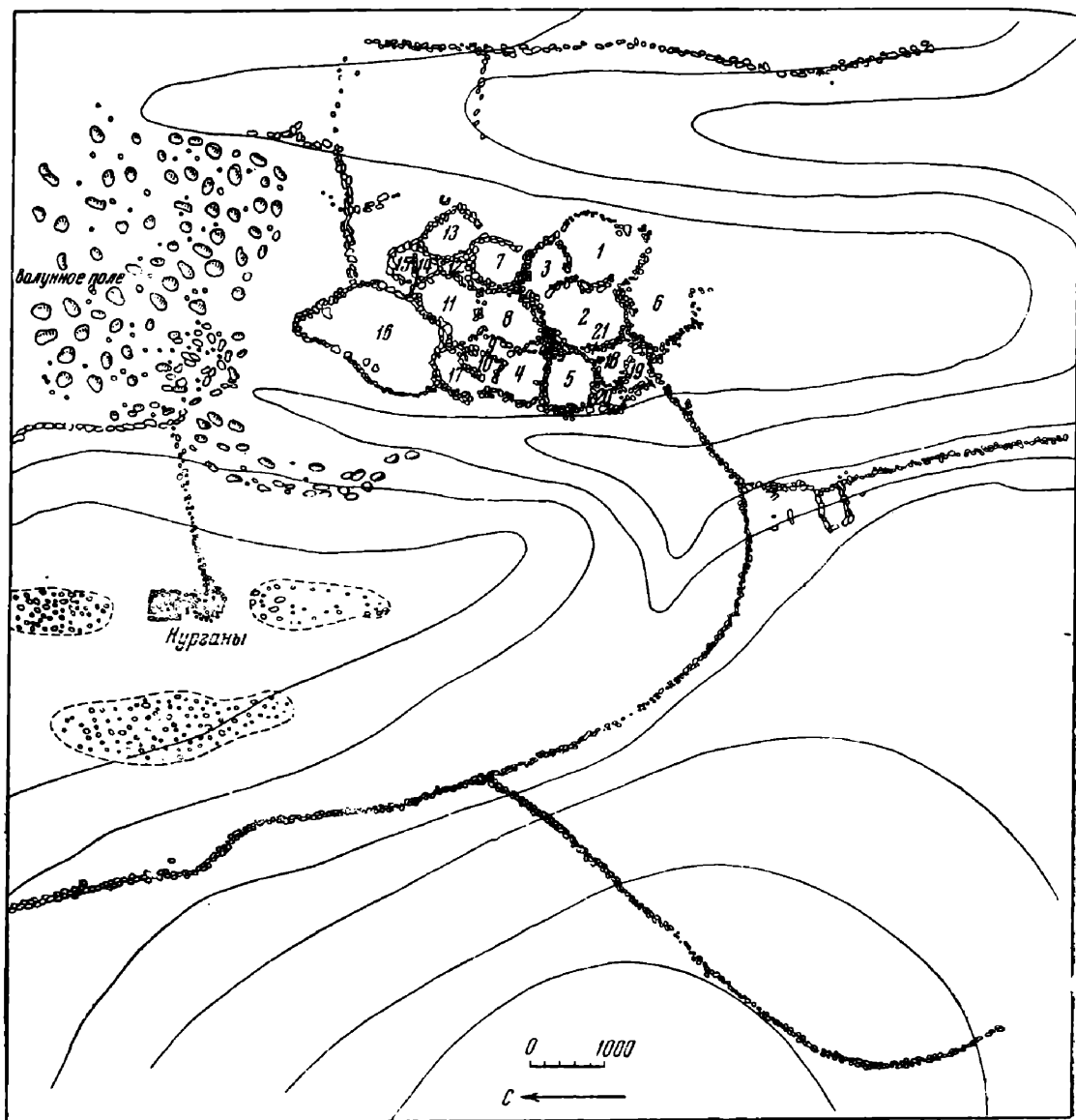

Рис. 35. План поселения Койсу I. Жилой и хозяйственный комплексы с участками древней пашни.

огражденные по меже рядами нарочито поставленных крупных валунов и грядами наложенного камня, или участками с беспорядочным нагромождением валунов, столь характерных для громадных конусов выноса.

Наличие участков древней пашни несомненно. Они тщательно очищены от валунов и камня (снесены на межу). Кое-где можно заметить неглубокие канавки, оставшиеся от арыков. Незамкнутый периметр многих участков исключает понимание их как загонов для скота; к тому же каменные межи не очень высокие и не могли служить оградой. Для загонов не требовалась столь тщательная очистка территории от крупных камней. Кроме того, — и это очень важно, — участки различных размеров и очертаний, примыкая друг к другу, примыкали также к жилым комплексам, группировались вокруг них.

На поселении Койсу I мы раскопали одно хозяйственное сооружение и два жилых. Всего помещений — 21 и некоторые из них, особенно смежные, имеют переходы (или дверные проемы; рис. 35).

Стены состояли из одного или двух рядов крупных валунов, вплотную поставленных друг к другу. На крупные валуны накладывался более мелкий булыжный камень. На одном из комплексов высота стен равнялась

Рис. 36. Улица на поселении Большой Джергалчак.

росту человека. Камень, по-видимому, обмазывался и скреплялся глиной, подобно тому как это делается и сейчас в сельском строительстве. Выход из помещения всегда четко заметен в виде перерыва стенной кладки. В плане помещения чаще всего прямоугольные, иногда с округлыми углами.

Очень хорошо план и конструкция помещений выделяются на поселении у устья р. Большой Джергалчак (в 6 км восточнее ущелья Барскаун). Поселение это компактно расположено и правильно спланировано (рис. 36). Видны улицы, проезды; сохранился даже отрезок дороги, по которой проезжали древние путешественники — купцы и паломники, посещавшие южный берег Иссык-Куля.

К поселению примыкают сравнительно небольшие участки древней пашни, хорошо очищенные от валунов и камня. При этом камень здесь же сложен в кучи, которые первоначально нами были приняты за курганы; однако при раскопках их не обнаружено погребений, хотя в набросках встречалась средневековая глиняная посуда, сделанная на круге. В границах поселения также заметны следы пашен или садов, к которым ведут неглубокие теперь канавки арыков.

На поселении Большой Джергалчак заложен ряд шурфов и полностью раскопано одно помещение сравнительно небольших размеров (2,8 × 4,5 м). Стены его сооружены иначе, чем в Койсу I — два ряда крупных камней, между которыми сделана забутовка из глины и мелкого камня. В раскопе встретилось скопление углей, золы; найдены кости животных, обломки сосудов, в частности со штампованным и линейно-волнистым орнаментом, и один целый маленький сосудик. Из подъемного материала следует отметить обломок жернова на поселении Койсу I и куски жженных кирпичей у Большого Джергалчака.

Поселение Большой Джергалчак, по-видимому, упоминается в арабо-персидских географических сочинениях. Кудама (X в.) сообщает, что Верхний Барсхан (он у него назван Нушджан) состоит из 4 больших и 5 малых городов. В одном из этих городов находился тюркский гарнизон. Якут (XII—XIII вв.) пишет о 4 больших и 4 малых городах.

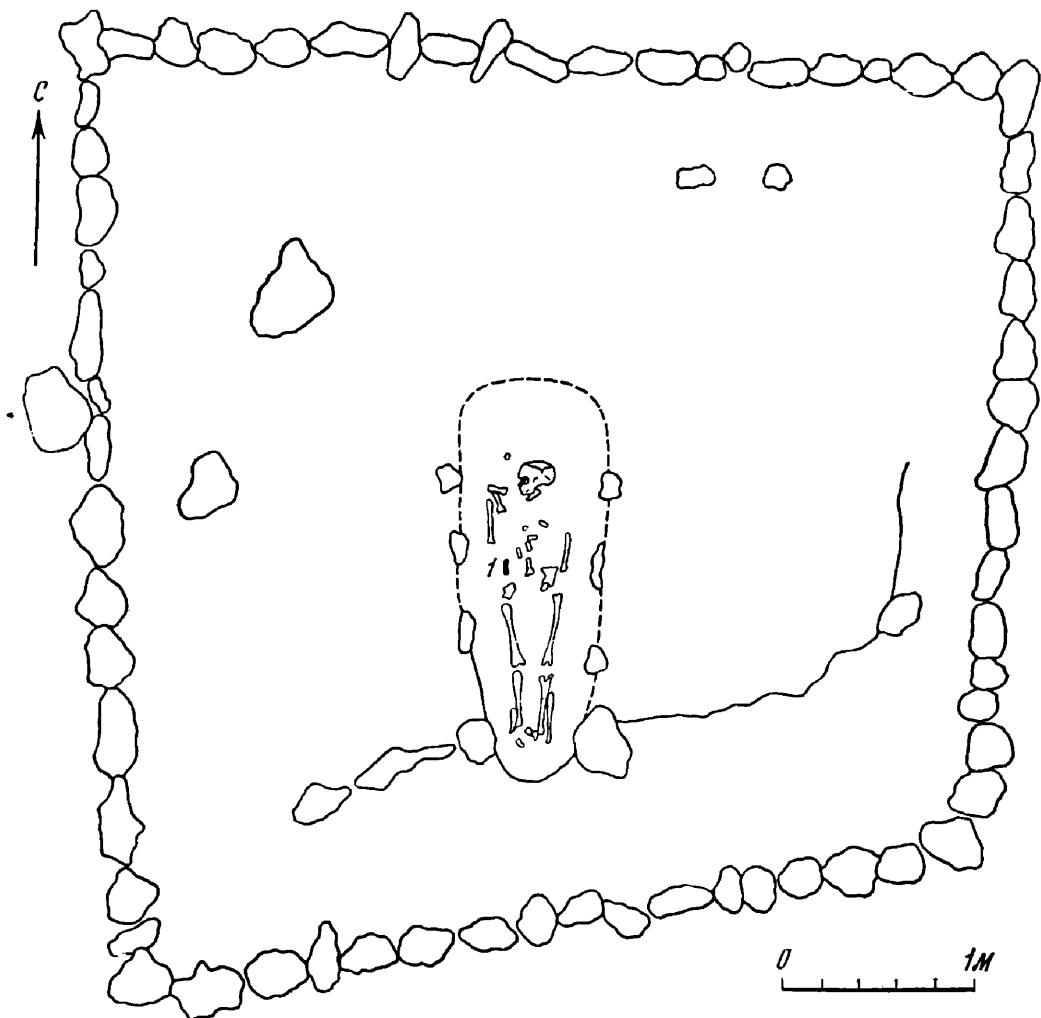

Рис. 37. Могильник Койсу. План прямоугольного кургана № 12.

1 — место находки амулета.

Как известно, Верхний Барсхан представлял собой целую область. В современной топонимике его имя сохранилось в названии ущелья и села Барскаун. Исследованное поселение в средние века было, видимо, одним из малых населенных пунктов Барсхана.

Для датировки древних пашен и поселения Койсу I (а следовательно, и Большого Джергалчака как памятника однотипного) немаловажное значение имеет то, что здесь встречаются курганы. Раскопка курганов должна была подкрепить датировку и участков древней пашни, на которых они расположены, и поселений. Мы раскопали 20 таких курганов. Их внешний вид весьма характерен. Они прямоугольной формы, в основании хорошо видно прямоугольное обрамление из более крупных валунов (рис. 37). По углам, а иногда в середине каждой из сторон поставлены особо большие камни. Один из раскопанных в 1954 г. курганов имел внутреннюю перегородку. Насыпи состоят из камня в смеси с землей и обычно хорошо задернованы.

Могилы по стенкам были иногда укреплены каменными плитами. Все погребения, кроме одного, весьма бедные, часто без вещей или с такими вещами, которые для датировки трудно использовать (пряслица, сурьмяницы, оселки и др.). Преобладает северная и восточная ориентировка с отклонениями, но встречается также южная и западная. Сосудов нет ни в одном погребении.

Для датировки мы использовали такие вещи, как железные ножи (рис. 34 — 5). Они очень поздних форм и часто встречаются в позднекочевнических курганах даже золотоордынского времени. Ножи, относящиеся ко времени до X—XI вв., например из раскопок на Ак-Бешимском городище, резко отличаются от найденных нами. Обломок ножа, обнаруженный при раскопках поселения Койсу I, сходен с ак-бешимскими ножами, но отличается от ножа из кургана. Это обстоятельство уже подсказывает время прямоугольных курганов на Койсу. Нельзя не учитывать также общую бедность погребений, что является характерным в развитии погребального обряда вообще и в Семиречье в частности. Возможны, конечно, исключения, но они всякий раз требуют особого объяснения. Мы же имеем дело с 18 «бедными» погребениями на Койсу и, кроме того, с двумя десятками таких же погребений из Долинки (раскопки 1954 г.).

Резюмируя высказанные соображения о дате курганов Койсу, мы считаем возможным отнести их ко времени после гибели поселения, т. е. с конца XI в. до XIII в., если не позднее.

Прямоугольная форма кургана с каменной оградкой у его основания требует объяснения. При этом нужно обязательно учитывать физический тип погребенных. По предварительному определению Г. Ф. Дебеца, это европеоиды.

Откуда происходит прямоугольная ограда у курганов типа Койсу и Долинка? Представляется, что в этом сооружении виден древнейший обычай обрамлять участок земли, на котором расположен курган, прямоугольной каменной выкладкой, аналогичной той, которая существовала на могильнике Берккара II в Джамбульской области⁴. Выкладка вокруг кургана постепенно сужалась, пока, наконец, не слилась с самой насыпью, придав ей прямоугольную форму. Разве не так обстояло дело с кольцевыми выкладками сакских и раннеусуньских курганов, которые, постепенно сужаясь, составили кольцевое обрамление подножия курганного холма или даже самой могилы?⁵

Консервативность некоторых черт погребального обряда сохранила их до расцвета средневековья и документирует неизменность, несменяемость основного населения Семиречья, несмотря на бурные нашествия монголоидных тюркских, а потом монгольских орд, происходившие с VI по XIII в. Разумеется, параллельно с такими могилами существуют чисто тюркские по обряду погребения. На Койсу раскопан курган (№ 16), в котором вскрыто типично тюркское по обряду и вещам погребение.

Сейчас важно обратить внимание на устойчивость древнейшего этнического элемента в Семиречье с тем, чтобы не сбросить его со счетов при решении генеральной задачи, поставленной перед Киргизской экспедицией, — собрать материал для объяснения происхождения киргизского народа.

⁴ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 145, табл. XCV, 7.

⁵ Нам кажется несомненным, что и кольцевое, и прямоугольное обрамление могил в Семиречье и на Тянь-Шане продолжает глубокие андроновские традиции.